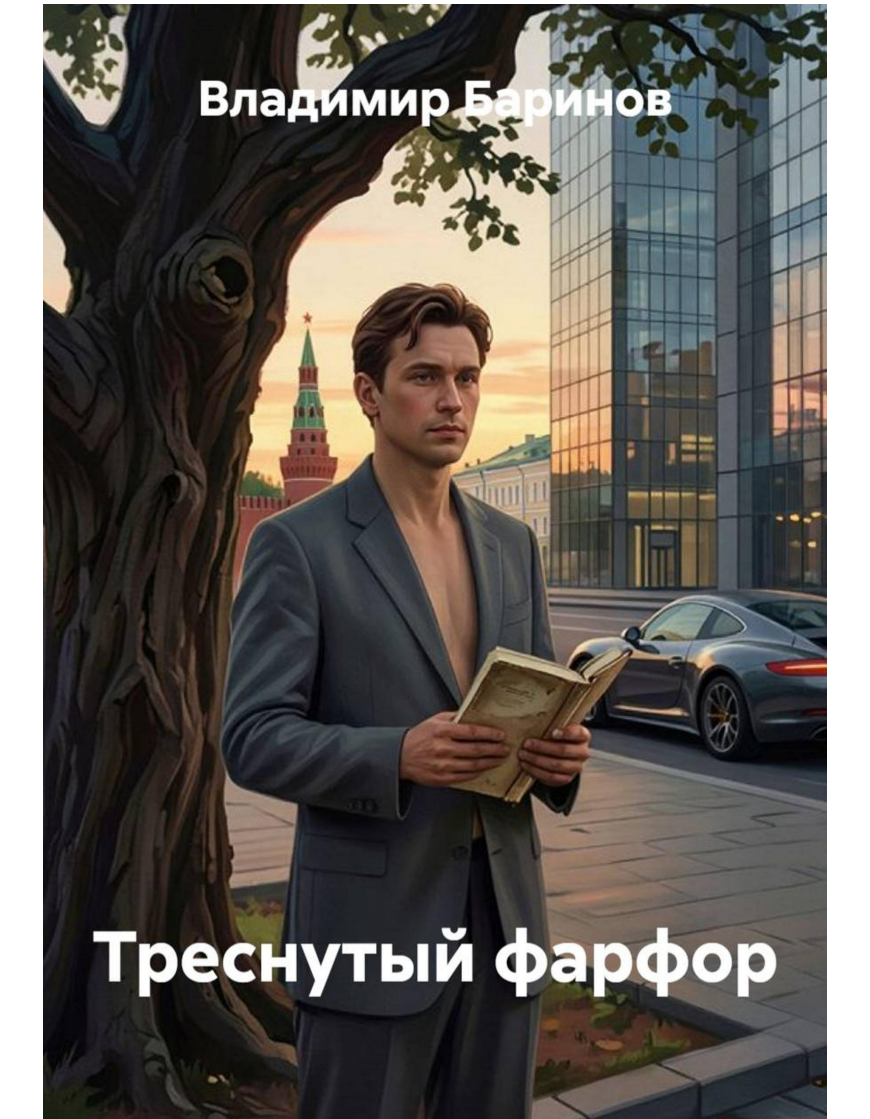

Владимир Баринов

Треснутый фарфор

Владимир Баринов

Треснутый фарфор

<https://litres.ru/74500933>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда свобода начинается с обычной прогулки у реки, с фисташкового мороженого за шестьдесят рублей и разговора без репетиции.

Он выбрал жизнь без гонки: доход – от скриптов на фондовом рынке, а радость дают простые вещи: свободное время, кот Кливленд и тишина, в которой слышно собственные мысли.

Она же привыкла, что каждая минута должна приносить результат. Ей нечем дышать, когда нет бизнес-задачи! Её мир — это офис с видом на Кремль, графики и дедлайны, спорткар, который должен доказывать, что она всё контролирует.

Случайная встреча ставит перед ними вопрос, на который нет правильного ответа: как быть собой, когда все вокруг требуют быть в ролях? «Треснутый фарфор» — это история не про слом прежних стен. А про то, как заметить тонкую трещину своего мирка и не испугаться её. Про людей, которым хватило смелости просто посидеть рядом и понять: «Сегодня мне не нужно быть сильнее, чтобы быть счастливым».

Содержание

Глава 1. Ресторан	4
Глава 2. Спорткар	10
Глава 3. Правда	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Баринов

Треснутый фарфор

Глава 1. Ресторан

Последнее время я наслаждался свободой. Инвестиции в знания давали результат. Торговые скрипты на фондовом рынке обеспечивали прибыль. И она уже превышала мою офисную зарплату. Впрочем, из офиса я уже месяц два как сбежал. И теперь все время принадлежало мне целиком!

Я гулял по городу. Просто так, бесцельно. Всегда разными маршрутами. А когда уставал, заходил в понравившийся ресторан или кофейню. Сидел, отдыхая. Листал телефон. Делал заметки или смотрел на графики. Не трейдинга ради – многое делалось автоматически – а тихого, уютного наслаждения для.

В тот самый день я свернул на улицу, где раньше никогда не бывал. Узкая, в тени старых клёнов, с вывесками, написанными от руки. Не туристическая, не деловая. Просто улица, которая жила своей жизнью.

И ресторанчик там нашёлся. Маленький, на шесть столиков, с винным цветом скатертей и зажженными свечами даже днём. Совсем не пафосно – просто уютно. По-домашнему.

Я сел у окна, заказал карпаччо и бокал чего-нибудь лёгко-

го. Бариста — или сомелье? Я не совсем разобрал — принял заказ с такой спокойной уверенностью, будто я здесь завсегдатай. Когда он скрылся, я заглянул в тетрадь, набрасывая тезисы для нового рассказа. За окном шевелился на ветру клен. И тень от него медленно ползла по мостовой. Я думал о том, что свобода — это не когда у тебя есть время. А когда ты перестаёшь бояться, что оно заканчивается...

И тут вошла она.

Нет — она *появилась*. Разница существенная. Вошел — это про обычного человека. А она именно появилась, будто в кино изящно сменили сцену. Тёмное пальто, расстёгнутое на одну пуговицу. Волосы собраны туго. Ни одной лишней детали. Она осмотрела зал, и на секунду задержалась на мне. На моей раскрытой тетради, на бокале, на лице. Будто прикидывала: интригующий незнакомец или просто человек за обедом?

Незнакомка села через столик. Заказала эспрессо и тирамису. Раскрыла ноутбук и ушла в него — полностью, с головой. Пальцы летали по клавишам быстро, уверенно. Лицо сосредоточенное. Хмурилась. Но не от злости — скорее от плотности мысли. Видимо решала задачу, которую действительно нельзя отложить.

Я вернулся к своему окну. К клёну. К бокалу. К тишине, которая была не пустой, а наполненной. Как пауза перед началом музыки. Но чувствовал — что-то не так. Не со мной. С ней. Она печатала, потом останавливалась. Печатала — и

снова замирала. И каждый раз её взгляд скользил в мою сторону. Быстро, мимолётно. Как у человека, который пытается не смотреть, но не может.

Моё присутствие её раздражало!

Не я — а то, что я олицетворял. Человек с тетрадью и бокалом вина, смотрящий в окно. Человек, которому некуда спешить. Не потому что он ленив, а потому что ему не нужно. Она это считывала, и это не укладывалось в ее картину. Как будто я говорил на языке, которого она не знала. Но чувствовала, что он существует. И это её бесило.

Я допил вино. Достал ручку, записал: *"Есть люди, которые работают, чтобы жить. И есть те, кто разучился видеть границы. Вторых — большинство."*

Щелчок. Она захлопнула ноутбук. Совсем не бережно — резко! Будто принимая решение. Посмотрела на меня. Прямо. Внимательно. С тем выражением, с каким смотрят на задачу, которую не могут решить.

— Вы здесь работаете?

Голос был ровный. Деловой. Но в конце — едва заметный вопрос, который не относился к работе.

— Нет, — сказал я. — Я здесь живу.

Пауза. Длинная. Ватная. Она моргнула, будто я сказал что-то на иностранном языке. Но не ушла. Это было первое удивление — её собственное. Я видел, как она собиралась. Пальцы уже легли на крышку ноутбука, готовясь собрать вещи. Вернуться туда, где жизнь кипит. Но она медлила...

— Как так можно? — спросила она, наконец. Хотя в голосе не было вызова. А только недоумение. Чистое, детское. Будто наткнулась на явление, которое не подчиняется известным законам. — Как можно сидеть? Вот так, посередине дня. С бокалом вина и тетрадью? Когда всё вокруг... — она обвела рукой, будто весь город был её рабочим столом, — ...крутится!

Я повертел ручку. Подумал. И медлил. Не потому что не знал ответ. А потому, что он был неправильный. Для неё. Любой мой ответ!

— А что должно крутиться?

Она прищурилась. Так смотрят на человека, который либо гениален, либо нагло врёт. И она явно склонялась ко второму.

— Вы не работаете?

— Сегодня — нет.

— А вчера?

— Вчера я гулял.

Тишина. Она откинулась на спинку стула, скрестила руки. Защитная поза — я это знал, видел сотни раз. Так сидят люди, которым показывают что-то, во что они не готовы поверить. Потому что вера потребует пересмотра всего.

— Значит, вы... — она подбирала слово, как хирург подбирает скальпель, — ...свободны?

— Скорее да, чем нет.

— А чём живёте?

Честный вопрос. Честный — в том смысле, что она ждала честного ответа. Чтобы разобрать его, как механизм. И найти поломку. Найти подвох. Выявить бедолагу за красивым фасадом!

Я мог бы сказать: инвестиции, алгоритмическая торговля, пассивный доход. Но это было бы как объяснять устройство двигателя человеку, который спрашивает «как ты едешь без лошади». Она бы услышала слова. Но не поверила. Потому что её мир устроен иначе: работаешь — получаешь — тра-тишь — снова работаешь. Круг. И выход из этого круга — либо обман. Либо везение. А может быть катастрофа!

— Живу, — сказал я. — Потихоньку.

Мария — тогда я не знал еще, что она Мария. Но про себя назвал ее именно так. Потому что в её лице было что-то земное, крестьянское. В хорошем смысле: упрямое, тёплое... Но забитое делом, как гвоздь в доску, — Мария смотрела на меня и пыталась раскусить.

Я это чувствовал. Как чувствуешь на себе чужой взгляд. Она пыталась вскрыть меня, найти пустоту. Потому что пустота была бы объяснимой: успешный блогер, который снимает «свободную жизнь» для сторис, а вечером плачет в подушку от процентов по ипотеке. Это бы она поняла. Это укладывалось в схему.

— У вас, — она наклонилась чуть вперёд, и голос ее стал тише, — наверняка есть что-то. Что вы не рассказываете. Вы все такие! Сидите, улыбаетесь... — она запнулась, потому

что я не улыбался, и это её сбило, — ...сидите. Молчите. Как будто вам принадлежит весь мир. А на деле?

— А на деле мне принадлежит время, — сказал я. — Это лучше.

Она замолчала. И в этом молчании я услышал треск. Тихий, как лёд на реке в марте. Что-то в Марии начало подаваться.

Но не нужно было давить. Ничего объяснять. Или доказывать!

Она сама спросит. Когда будет готова.

Глава 2. Спорткар

Она допила эспрессо. Остывший, последний глоток — всегда самый горький. И я видел, как она поморщилась. Но не от вкуса. Скорее, от себя!

Пауза затянулась. Я не заполнял её — паузы не требуют заполнения, они требуют присутствия. Я просто был. А она — боролась.

Потому что ей нужен был мой контакт: номер, почта — что угодно. Любая точка входа. Не для того, чтобы познакомиться. Она не знакомилась — она *расследовала*! Ей важно было понять, к какому типу я принадлежу. Потому что сейчас я не принадлежал ни к какому — и был угрозой! Не человеку — картине мира. А картина мира для Марии была крепостью! И через эту крепость проходил сейчас тонкий, но трескучий луч.

Она достала телефон. Убрала. Достала снова. Положила на стол экраном вверх. Жест, который у любого другого означал бы «дай свой номер, я наберу». Но не у неё. У неё это означало: «я готовлюсь, но не просите, потому что я не прошу».

Я это видел. И молчал. Не из жестокости — из уважения. Человек, который идёт по тонкому льду, не нуждается в том, чтобы ему кричали «осторожно». Он осознает опасность.

— Вы... — она начала и остановилась. Перестроила фра-

зу, как перестраивают предложение, когда первое слово — лишнее. — Вы часто здесь бываете?

— Часто — нет. Но сегодня — да.

— А завтра?

— Завтра не знаю. Это и есть свобода, Мария.

Она моргнула. Медленно. И я понял, что ошибся — не потому, что назвал ее имя (хотя она не представилась). А просто сказал «свобода» так, будто это слово имело вес. А для неё оно было тяжестью.

Она поднялась. Запахнула пальто — одним движением, словно доспех. Ноутбук — в сумку, щелчок замка, как выстрел. Она уходила. Уже у двери — рука на ручке, спина прямая, каблуки чеканные — обернулась.

— Меня и правда зовут Мария. Как вы узнали?

Я не знал. Сказал наугад, потому что лицо подсказало. Но объяснять это было сложнее, чем рассказать, почему клён растёт криво — когда свет приходит с одной стороны, и дерево к нему тянется. Оно не виновато!

— Не знаю, — сказал я. — Просто озарение.

Она стояла в дверях. Свет с улицы ложился ей на спину, и лицо было в тени. Две секунды. Три. Пять. Дольше, чем деловой человек позволяет себе стоять в дверях ресторана.

Она вернулась. Три шага. Быстрых, раздражённых — сердилась на себя! Телефон — в руку. Экран разблокирован, протянула мне.

— Запишите.

Не «дайте свой номер». Не «может, обменяемся». Просто — «запишите!» Как приказ. Как задачу, которую нельзя отложить.

Я взял телефон. Её рука чуть дрогнула — едва заметно, как струна, которую задели. Я набрал свой номер. Сохранил. Вернул.

Она не посмотрела на экран. Сунула телефон в карман пальто, будто прятала улику.

— Это не то, что вы думаете, — сказала она. И ушла.

Я не думал ничего. Я допил вино, пододвинул тетрадь и записал на последней странице: *"Она вернулась за номером так, как возвращаются на место преступления — потому что не могут не вернуться"*.

Я оставался в ресторане еще минут сорок. Затем вышел. Не торопясь и не оглядываясь. Тетрадь под мышкой, руки в карманах. Вечер был тёплый, клёны пахли пылью и чем-то сладковатым — может, липа отцвела. А может, просто город выдыхал после жаркого дня.

Её машина стояла у тротуара. Не припаркованная, а именно *остановившаяся*. Как конь, которого осадили поводом. Тёмная, низкая, с хищным длинным капотом. Я в спорткарах не разбираюсь, но этот явно стоил как моя годовая прибыль. Может, как две. Или больше. Я не приценивался. И не потому, что не мог бы себе позволить. Просто мне было всё равно.

Она сидела внутри. Сидела и ждала. Не меня самого — в этом я был уверен. Она ждала *моего антуража*. Как следователь ждёт, когда подозреваемый выйдет из здания, чтобы оценить — пешком ли он будет, или его встретит кортеж. Потому что по машине человека можно вычислить. И оценить.

Я вышел пешком.

Никто меня не встречал. Ни водитель, ни охрана. Просто человек в расстёгнутой куртке с тетрадью, который повернул налево. И пошёл неспешно по тротуару, как гуляют люди, которым некуда спешить.

Я почувствовал её взгляд. Между лопаток — словно сквозняк. Она смотрела и не верила. Ждала, что я обернусь. Улыбнусь. Подмигну. Хотя бы кивну — мол, да, я тебя вижу! Ты за рулём спортивного зверя, а я пешком, ха-ха, забавно. Но я не обернулся. Я не соревновался с ней. Мне и в голову не пришло бы! Это как состязаться в беге с рекой — она течёт, я иду. У каждого свой путь.

Тишина держалась секунд двадцать. Может, тридцать. Я уже дошёл до угла, когда услышал рык. Низкий и утробный — мотор проснулся. Потом — визг. Резкий, короткий.шины по асфальту. И машина рванула — мимо меня, быстро, слишком быстро для узкой улочки. Она прошла стремительно, так что ветер шевельнул мои волосы. Я не повернул головы. Только краем глаза заметил тёмный силуэт в кабине. Прямая спина, руки на руле в «десять-два», челюсть сжата.

Она стартанула так, будто ставила точку. Мол, вот — я могу! Вот мой статус. Вот мой мир, в котором есть мощь, скорость и сила. А ты — пешком! И в этой точке была вся её ярость. Не на меня конечно, а на свою растерянность. На то, что она прождала полчаса в машине, чтобы оценить, как выйдет незнакомец. На то, что это её — её! — волнует. Женщину, которая, видимо, привыкла оценивать людей по их транспорту, по их часам, по их обуви — и впервые столкнулась с человеком, которого нельзя оценить. Потому что он не выставляет ничего на оценку.

Она уехала. А я шёл.

Вечер был хорош. Я свернул в парк, сел на скамейку, открыл тетрадь. Записал: *"Она ждала в машине за десять миллионов, чтобы проверить, есть ли такая же у меня. А у меня нет. И это даже хуже, чем если бы была. Потому, что машину можно купить. А то, что у меня есть, купить нельзя. Она это поняла. И пока не знает, что с этим делать"*.

Потом закрыл тетрадь. Посмотрел на небо. Оно было чистое и тёмное, с одной звездой — Венерой, кажется, или Юпитером. Не важно. Важно, что ее было видно.

Я не думал о Марии. Вернее — думал немного «невежливо». Не как о женщине, а как о явлении. О человеке, который стоит на пороге и боится переступить, потому что за порогом — неизвестность. А неизвестность для человека, который всё контролирует — это страшнее всего.

Телефон лежал в кармане. Молчал. Я не ждал сообще-

ния. Знал, что оно будет — но не сегодня. Сегодня она будет злиться. На меня, на себя, на светофоры, на мир. Будет ехать быстро и думать, что думает о работе. А на самом деле — о человеке, который шёл пешком и не обернулся.

Глава 3. Правда

Сообщение пришло в субботу. Совсем рано — в восемь часов. Я ещё не проснулся, и телефон стоял на беззвучке. Посмотрел лишь час спустя.

Незнакомый номер. Текст:

«Доброе утро. Мария. Вчера вы записали свой номер в мой телефон. Я не просила вас ничего объяснять и не собираюсь навязываться. Но мне показалось, что вы разбираетесь в финансовых вопросах. У меня есть задача, которая требует свежего взгляда. Если вам интересно — скажите. Если нет — я больше не побеспокою».

Я перечитал дважды. Мне нравилось разбирать ее логику.

«Не собираюсь навязываться» — это значит: я знаю, что навязываюсь, и мне неприятно.

«Если вам интересно» — это значит: пожалуйста, скажите, что интересно!

«Если нет — я больше не побеспокою» — это не угроза. Это страх. Тонкая, призрачная пелена смирения: я больше не побеспокою, я запрю это обратно, я забуду! Потому что забыть проще, чем признать – тебе нужен человек, который шёл пешком и не обернулся.

«Финансовые вопросы» — вот она, зацепка. Предлог. Логичный, плотный и деловой — как броня. Мария не пишет «мне интересно, как вы живёте». Мария пишет «у меня есть

задача». Потому что задача — это её язык. На языке задач она умеет говорить. А на языке «мне одиноко и страшно, что я не умею жить, только работать» — не умеет. И не хочет учиться. Пока.

Я лежал и смотрел в потолок. За окном был август, суббота, тишина. Я мог бы не отвечать. Мог удалить. И забыть навсегда. Это было бы честно — я ведь не консультант и не коуч. Не блогер-миллионер. А просто незнакомец с тетрадью.

Но я дал номер. А дав его, я взял на себя ответственность. За контактность. За то, что между нами появилось тонкое волокно. И если я его обрежу, оно не исчезнет — а загниёт.

Я набрал ответ. Короткий. Без объяснений или поддавков. Без «конечно, с удовольствием». Просто:

«Привет, Мария. Задача интересна. Но сегодня суббота. Я гуляю. Завтра — тоже. Если не горит — понедельник?»

Отправил. Положил телефон на тумбочку экраном вниз. Закрыв глаза.

Тишина. Долгая. Минуты три — или пять... даже десять. Я уже переключился на обыденные дела, когда телефон завибрировал. Коротко. Одно сообщение.

«Не горит»

И через секунду — ещё одно. Которое она, видимо, набирала и стирала. Набирала снова — и все-таки отправила, преодолев себя. Словно человек, который прыгает с вышки: нельзя думать, нужно просто шагнуть!

«Понедельник. 10:00. Тот ресторан».

Я улыбнулся. Она выбрала не переговорную офиса. Или конференц-зал. А то место, где увидела меня впервые. Где я сидел с бокалом и тетрадью, а в ней самой что-то треснуло. Она возвращалась на место преступления. Снова!

«Договорились» — написал я. И выключил телефон.

В понедельник я проснулся без будильника. В девять. Даже не ради подготовки к встрече. А потому что тело решило — пора! Оно у меня умное: я научил его не торопиться, но и не разлениваться уж слишком.

Я не стал одеваться «офисно». Просто тёмные брюки и свитер — тонкий, кашемир. Единственная моя уступка роскоши. Потому что кашемир я любил не за статус, а за то, как он касается кожи. Ещё кроссовки. Тетрадь. И всё.

Ресторан открывался в десять. Я пришёл в девять пятьдесят. Сел за тот же столик — не позы ради, а просто он был самым уютным: окно, свет, клён за стеклом. Заказал кофе. Чёрный, без сахара. И ждал.

Она пришла ровно в десять. Ровно. Не в 9:59, не в 10:01 — в десять ноль-ноль. Как доклад. Как биржевой звонок.

Костюм. Тёмно-синий, приталенный, безупречный. Белая блузка, расстёгнута на одну пуговицу — не соблазн, а воздух. Потому что она волновалась, хоть и не призналась бы в этом! Волосы собраны. Серьги — мелкие, дорогие, незаметные. Сумка. Ноутбук. Папка. Ручка — Montblanc. Я заметил, потому что такие вещи замечаю.

Она села. Не сказала «привет». А сразу:

— Я подготовила материалы.

И открыла ноутбук. Экраном в мою сторону. Графики. Таблицы. Столбцы цифр. Что-то про портфель, про доходность, про распределение активов... Я не вчитывался — материалы были не главным. Вначале нужно было смотреть на неё.

Мария была напряжена. Но не как на презентации сложного проекта. Здесь была выше ставка — она защищала позицию! Челюсть сжата. Пальцы на клавишах — стучат быстро, будто торопятся показать мне самую суть. Пока я не передумал. Глаза — в экран, ни разу на меня. Она боялась смотреть. Потому что взгляд — это разговор, а она пришла не разговаривать. Она пришла *решать задачу*.

— Вот, — она ткнула пальцем в график. — Диверсификация. Я держу шестьдесят процентов в недвижимости, двадцать — в фондах, десять — в облигациях, еще десять — наличка. Доходность — шесть-семь процентов годовых. Консервативно. Мне говорят — это правильно. Но мне кажется, что я стою на месте.

— Кажется, — сказал я.

Она подняла глаза. Быстро, как на вспышку.

— Что?

— Кажется. Не «знаю». А «кажется». Это разные вещи.

Пауза. Она не дышала секунду. Потом выдохнула — коротко, раздражённо.

— Хорошо. Я ЗНАЮ, что стою на месте.

— Нет. Вы знаете, что не движетесь. Стоять на месте — это когда вы здесь. А вы не здесь. Вы — там, — я кивнул на экран, — в цифрах. В графиках. В правильном распределении. А вопрос не в распределении. Вопрос — в том, чего вы хотите.

— Я хочу доходности.

— Нет. Вы хотите того, чего хотите. А доходность — это инструмент. Как ноутбук. Вы же не хотите ноутбук. Вы хотите то, что в нём делается.

Она закрыла рот. Открыла. Закрыла снова. Рыбка, которая увидела воду впервые.

Я отпил кофе. Он был хорош — горький, плотный, с шоколадным дном. Я не торопил её. Терпел тишину, как проживают август — знаешь, что жара спадёт, просто нужно дождаться вечера.

— Зачем вам деньги? — спросил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.